

УДК 37

# ЕГО ЖЕ ПОСАДЯТ ЗА МЕРТВЫХ ДЕТЕЙ.

## Чуть больше, чем просто рецензия на книгу Алексея Иванова «Географ глобус пропил»

**КУПРИЯНОВ Б.В.**

профессор, доктор наук (г. Москва)

– Непонятно даже, как вы, такой, учителем стали...  
(из романа А. Иванова).

**В**ыход на экраны фильма «Географ глобус пропил» вызвал новую волну интереса к одноименному роману А. Иванова. Хотели ли того авторы (книги и фильма) или нет (скорее всего, они рассматривали свои задачи шире и глубже), но решу утверждать, что оба произведения могут вос-

приниматься в педагогическом контексте. Эти, на мой взгляд, несомненно талантливые фильм и книга вызывают желание уточнить собственные ориентиры в воспитании, проверить свои оценки педагогической реальности.

«Конечная станция Пермь-вторая!» – прохрипели динамики.  
(из романа А. Иванова).

С самых первых кадров я оказался во власти авторов фильма и вновь пережил парадоксальное восприятие Перми.

Это произошло несколько лет назад, когда, будучи участником одной научной конференции, я вместе с коллегами посетил шумевшую выставку современного искусства, неоднозначные впечатления органично дополнили несколько картин, увиденных мною после выхода из здания (бывшего речного вокзала), где галерея размещалась. С тыла здание выглядело очень не презентабельно – некоторые выбитые окна были заколочены фанерой, в некоторых местах, прямо на крыше, росли небольшие березы. Желтовато-грязная вода Камы, отплывающий теплоход, на котором, как и положено, громко играл, даже скорее орал, какой-то шансон. Теплоход был переполнен, как мне показалось, не очень трезвыми, возбужденными людьми, в руках у которых я видел бутылки, пивные банки. Видимо, мне и моим приятелям не повезло, так как на набережной начали убирать мусор, но не закончили и сгребли его в кучки, равномерно разместившиеся впе-

реди и сзади, насколько хватало глаз. Было лето, и казалось, что от ближнего пивного ларька пахло тем, что подвыпивший народ не смог донести до туалета.

Я помню, мы долго выбирали место для фотографирования, чтобы найти характерный пермский фон, а с другой стороны, чтобы кучки мусора не попали в кадр. И мы нашли – посреди этой разрухи прямо на парашете набережной высились многометровые, красные буквы «СЧАСТЬЕ НЕ ЗА ГОРАМИ!».

Я бывал в Перми еще много раз после тех событий, я принял этот замечательный город, город уникальных педагогов, решительных менеджеров, город, на лице которого в полный метр отразилась попытка локальной культурной революции. Мои впечатления первого знакомства сейчас мне самому кажутся карикатурой, и все же, может быть, искусство XXI века и должно именно так действовать: арт-объект вырастает прямо из социокультурного ландшафта, глобально преобразуя то, как мы этот ландшафт прочитываем.

### ФОН ДЛЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

*Вот они условия, вот она среда,  
А впрочем, для здоровья, полезны холода.*  
Ю. Ким.

Как известно, любая фигура выглядит рельефно благодаря фону, на котором находится. Фон этот, и в романе, и фильме из 90-х – и его можно коротко обозначить словом «разруха»: «Школа высилась посреди зеленого пустыря, охваченного по периметру забором. За спиной у нее лежала асфальтированная спортплощадка, рядом с которой торчали одиночные корабельные сосны, чудом уцелевшие при застройке нового микрорайона. Справа от входа громоздилась теплица – ржавое скелетообразное сооружение без единого стекла. Широко раскрытые

окна школы тоскующе глядели в небо, будто школа посылала кому-то молитву об избавлении от крестных мук предстоящего учебного года». Образ разрухи в романе дополняется наслоениями прошлого, тоже местами разрушенного и непонятного, а местами крепкого и страшного, как заброшенный советский концлагерь, куда забредают географ со своими воспитанниками. Разруха – это образ 90-х годов, сегодня большинство школ не выглядит так, как представлена эта школа в Новых речниках, поэтому эта картинка, пере-

несенная авторами фильма в наше время, воспринимается как натяжка.

Вообще, Школа в качестве среды в романе представлена дважды – как прошлое – школа, в которой учился Витя Служкин, и школа настоящего, в которой он работает учителем географии.

В школе советского прошлого учителями организовывались различного рода общественные объединения – в Витином классе – литературный клуб «Бригантина», вызывавший у главного героя искренний интерес.

В качестве главной нормы советской школы в романе представлено послушание (добровольная несвобода), при этом показано, как жестко преследовались любые проявления нелояльности. Характерна история с нарисованным учеником Служкиным «в кабинете математики на парте ... первого выпуска настольной газеты "Двоечник", после чего классный руководитель на пионерском собрании выгнала его из «творческой группы». Но весьма показательно, что «Витка этим очень гордился». В советской школе ситуация несвободы и превращения наиболее послушных учеников в подручные власти (инструменты учительского контроля) показана так: назначаемые учителем «рядовые» проверяют домашнее задание, просматривая тетради

одноклассников и громко рапортуя учителю о тех, кто не выполнил заданное. Утрированно карикатурно представлены наказания. Вот распоряжение учителя: «Дневники на стол, ... а сами встаньте к "стене позора". «Стеной позора», поясняет автор, «называлась в кабинете длинная стена, у которой те, кто не выполнил домашнего задания, проводили время от своего разоблачения до звонка». В романе показаны и другие приемы тотального принуждения и контроля (заполнение дневников, так чтобы «страниц уже нельзя было вырвать»).

Анализируя педагогические контексты романа и фильма, нельзя не обратить внимание на большую симпатию, с которой преподносятся образы учеников. Даже самый безобразный хулиган и двоечник Градусов говорит фразу, за которую ему можно простить все его выходки: «Вы, наверное, жалеете, что взяли меня... Двоечник в школе вам всегда подляны делал, тут чуть драку не устроил... А я вас только первые полгода ненавидел, а потом уже нет... Только остановиться не мог... Я и в поход-то напросился из-за вас, чтобы вам здесь помогать... Мне ведь компания-то эта совсем не нравится, чмошные все...».

### «... ЛЕНТАЙ, ИДЕАЛИСТ И НЕУМЕХА». ЧАСТЬ I. ИДЕАЛИСТ

*Что же? Разве я обижу вас?  
О, нет! Ведь я не насильник,  
Не обманщик и не гордец,  
Хотя много знаю,  
Слишком много думаю с детства  
И слишком занят собой.*  
А. Блок.

В центре произведений (фильма и книги) собственно географ – Виктор Сергеевич Служкин, человек вызывающий гамму противоречивых чувств и мыслей. Мои студенты, посмотрев только кинокартину, увидели в нем исключительно неудачника (в семье разлад, нет взаимности с любимыми женщинами, на работе одни неприятности и т.д.) – оценив его примерно так, как подростки в одной из сцен фильма. Такая традиционная (может даже стереотипная) оценка имеет право на существование, к ней мы еще вернемся. Пока же обратим внимание на внутренний мир этой, во многом незаурядной личности.

В романе достаточно прямо через внутренние монологи героя, в фильме кинематографическим языком, может быть, не всегда прямо, и поэтому понятно только при внимательном рассмотрении, представлена своего рода философия В.С. Служкина, человека, который больше всего в жизни дорожит собственной свободой и уважает свободу окружающих. В одном из откровенных разговоров со своим другом географ формулирует свое кредо, которое порой противоречит его собственным поступкам, но не перестает оставаться для него актуальным: «Я человека ищу, всю жизнь ищу – человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!..». Идея поиска человека представляется существенной, ее мы находим у Августина Блаженного: «Молю Тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, сидящего одесную Тебя, Сына Человеческого, Которого Ты доставил посредником

между Тобой и нами, через Которого Ты искал нас, не искавших Тебя, чтобы мы искали Тебя»<sup>1</sup>. Эта выдержка, процитированная Б.Д. Элькониным в «Психологии развития», может считаться своего рода метафорой гуманистической педагогики. В романе Стругацких «Отягощенные злом» на вопрос «Какова цель вашего пребывания здесь?» Демидур отвечает: «Я ищу Человека... Я ищу Человека с большой буквы». Другими словами, в образе Служкина угадывается отзвук культурной традиции духовного искательства, правда за кадром пока остается смысл этой миссии.

В ключе уважения свободы окружающих произносимые Виктором Сергеевичем слова выглядят не шутством – насмешкой, а парадоксальной ироничной исповедью:

– Ну, Наденька, не плачь, – попросил он. – Ну перетерпи... Я ведь тоже разрываюсь от любви...

– К кому? – глухо и гнусаво спросила Надя. – К себе?

– Почему же – к себе?... К тебе... К Таточке... К Будкину... К Пушкину.

В другом месте его символ веры звучит еще более отчетливо: «Мы никогда не ошибаемся, если рассчитываем на человеческое свинство, – сказал Служкин. – Ошибаемся, лишь когда рассчитываем на порядочность. Что значит "исправить свои ошибки"? Изжить в себе веру в людей?... Самые большие наши ошибки – это самые большие наши обеды».

<sup>1</sup>Аврелий Августин. Исповедь. – М. : Гендальф. 1992. – Кн. 11. ([http://azbyka.ru/otechnik/-Avrelij\\_-Avgustin/ispoved=11\\_2](http://azbyka.ru/otechnik/-Avrelij_-Avgustin/ispoved=11_2)).

Соединение любви и свободы, по Служкину, выглядит так: «Я просто хочу жить, как святой... Я для себя так определяю святость: это когда ты никому не являешься залогом счастья, и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь, понимаешь? Совершенная любовь изгоняет страх...».

Эти духовные искания Виктора Сергеевича выглядят совершенно не соответствующими актуальным задачам повседневного житейского существования обычных людей, а сам главный герой напоминает блаженного, в изначальном значении «идиота» – человека, живущего в отрыве от общественной жизни.

Можно сказать, что один из аспектов исканий Человека Виктора Служкина – это поиск настоящей искренней любви: он любит свою жену и дочь, при этом романтические отношения связывают его с одноклассницей Сашенькой, и мало романтические, скорее плотские, с одноклассницей Веткой, он влюбляется и в учительницу немецкого языка Киру. Но самое недопустимое – роман Виктора Сергеевича с ученицей Машей Большаковой.

Непосредственность восприятия мира Виктором Служкиным не дает ему самому разобраться в своих отношениях с женщинами. Поэтому на простой вопрос: «А можешь ты и не любишь Сашеньку-то свою дурацкую?». Главный герой раздражается запутанной исповедью: «Вроде и люблю ее, а к ней не тянет. Тянет к другой девице, училке из моей школы, а жить все равно хотел бы с Надей. И живу с Надей, а ближе тебя нет никого... Никакой точки опоры в жизни, болтаюсь туда-сюда... Мечусь в заколдованном круге, а порвать его нечем». Можно предположить, что главный герой не столько ищет взаимности в окружающих его женщинах, сколько ищет взаимность как таковую (пытаясь ощутить и свою собственную любовь).

В отечественном искусстве прошлых лет обсуждение личной жизни учителя, его влюбленностей всегда было сопряжено с большим этическим противоречием, ведь учитель рассматривался как носитель моральных норм, отсюда этот узкий, плохо освещенный коридор любых проявлений чувственности (очень наглядно это представлено в фильме «Доживем до понедельника»). А здесь, в романе А. Иванова, как нарочно, как в насмешку, географ окружен романами, как ледокол льдинами.

Из почти физической жажды свободы произрастает неформальность Виктора Сергеевича. Он неформал не по внешним атрибутам, а по своему существу, в фильме песня «Я – свободен» – собственно служкинский гимн. И роман, и фильм начинаются сценой, когда главный герой не платит в электричке, в этом – отказ от послушности, сознательный протест против при-

вычной покорности: «Две бабки, помещавшиеся напротив него, суетливо протянули свои билеты, давно уже приготовленные и влажные от вспотевших пальцев».

При всех перипетиях и искушениях главного героя, он остается очень приятным человеком, он умеет дружить, их взаимоотношения с Будкиным – пример настоящей мужской дружбы, выросшей из дружбы мальчишеской, искренним чувством проникнуто его отношение к дочери.

Несомненным достоинством Виктора Сергеевича является то, что он – человек творческий: он сочиняет стихи, его речь наполнена афоризмами, порой зарифмованными, кажется, что на каждую житейскую коллизию у него заранее приготовлена философская максима, парадоксальная и часто смешная («Хорош – не хорош, а вынь да положь», «О нем поминки, и он с четвертинкой», «Атлет объелся котлет», «Новое поколение выбирает опьянение», «Объелся репой, вот и свирепый»).

Географ по-настоящему любит свою Родину и малую Родину – Пермь, микрорайон «Старые или Новые речники», он искренне восхищается красотой природы Пермского края. Яркие, замечательные описания красот природы, исполненные от имени главного героя, могут восприниматься в качестве настоящей российской идентичности, которую призывает формировать у школьников Федеральный государственный образовательный стандарт (общеобразовательной школы).

Еще одна яркая черта географа – это способность к рефлексии. Виктор Сергеевич не просто отражает свои мысли и чувства, анализирует и оценивает свои поступки, но, главное, он соотносит свои состояния и действия со своими убеждениями, безжалостно разбирает минуты собственной слабости, отчетливо фиксирует моменты искушений и заблуждений. Ирония и самоирония привлекает к нему и возмущает одновременно. Виктор Служкин, он не боится быть смешным, формулируя при этом целую философскую сентенцию: «Любой анекдот – это драма. Или даже трагедия. Только рассказанная мужественным человеком».

Рефлексия В.С. Служкина, соединяясь с восприятием родной природы, особенно с образами рек, восходит к состоянию экзистенциального равновесия человека с миром, в этот момент географ становится практически буддой и сам осознает это. Здесь угадываются параллели с Сидхархой Германа Гессе, хотя, как утверждает немецкая пословица, любые сравнения хромают: «Река Ледяная спасет меня. Вынесет меня, как лодку, из моей судьбы, потому что на реках законы судьбы становятся явлениями природы, а пересечь полосу ливня гораздо легче, чем пересилить отчаяние».

### «... ЛЕНТАЙ, ИДЕАЛИСТ И НЕУМЕХА». ЧАСТЬ II. ЛЕНТАЙ И НЕУМЕХА

*Если не найдется желающих пред именем  
моим смиренно преклонить колени, я не удавлюсь.*  
(из романа А. Иванова).

*Да, таков уже неизъяснимый закон судеб:  
умный человек либо пьяница, или рожу  
такую состроит, что хоть святых выноси.*  
Н.В. Гоголь.

Роман построен так, что с главным героем все время что-то происходит, он попадает в неудобные ситуации. Причины этих событий – это тотальная лень и

тотальная некомпетентность Виктора Служкина. Причем интересно, что именно таким он был в детстве и таким остался. Еще в детстве из-за лени и неаккурат-

ности Витя фактически не выполнил поручение классной руководительницы, а потом испортил мероприятие, посвященное памяти Л.И. Брежнева (когда, переputав кассеты, принес вместо торжественной траурной музыки песни «Вопле М.»). Именно из-за лени он курит в форточку, совершенно справедливо звучит замечание завуча: «*Виктор Сергеевич, я попрошу вас больше никогда не курить в кабинете. Это школа, а, извините, не пивная*». Практически жизненная точность достигается в образе главного героя, когда его свободолюбие перемешивается с ленью и неаккуратностью.

Для обобщения сформулируем несколько доводов, раскрывающих формулу – перед нами учитель, который на протяжении всего повествования «все делает неправильно», не соответствует традиционным, устоявшимся представлениям о том, как должен вести себя педагог.

Виктор Сергеевич, выпивая, не прячется от окружающих, от коллег и учеников, курит и выпивает вместе с подростками, довольно часто нетрезвым появляется в публичных местах, оказывается в неловких ситуациях (попадает в милицию, пьяный катается с горки на санках и ломает ногу).

Как будто в отместку свободолюбивому географу, возникает неукротимый 9 «В», Виктору Сергеевичу приходится устанавливать дисциплину – это еще один острый парадокс и разочарование, ведь все попытки навести порядок ни к чему вразумительному не приводят. Правда, здесь вдруг оказывается, что Человека ищет географ и в своих учениках: «*Ну что делать-то? Доброта их не пробивает, ум не пробивает, шутки не пробивают, даже наказание – и то не пробивает!... Ну чем их пробить?*». При всем его колоссальном непрофессионализме и лени, в Виктор Сергеевиче нет отчуждения по отношению к школьникам, которое чувствуется в более профессиональных и успешных его коллегах. У Служкина – жалость, отчаяние, симпатия, возмущение, но нет равнодушно-отстраненного рационализма в анализе педагогических ситуаций и решении педагогических задач.

Служкин не проявляет нормативной принципиальности при подготовке к экзамену по своему предмету, фактически организует списывание учениками ответов, чем пытается обеспечить сносную успеваемость по-своему предмету.

Конечно, сам по себе роман с ученицей Машей Большаковой переходит границы профессиональной этики и общественной морали, ставя географа у черты нарушения закона. Легкомыслие и профессиональная некомпетентность В. Служкина проявляются как в мелочах (отправляясь в деревню вместе с ученицей, он не проверяет то, как она одета, чем подвергает ребенка серьезной опасности), так и в серьезных вопросах (подверг риску жизнь и здоровье школьников, оставив их одних во время сплава через Долгановский порог, совершил, практически, уголовное преступление).

Еще один парадокс этой замечательной книги в том, что именно устами непрофессионального, некомпетентного педагога, легкомысленного человека, лентяя и неумехи, автор артикулирует символ веры гуманистической педагогики.

Педагогическое кредо писатель излагает в ситуации, когда географ после пьянки просыпается на корме плота и слушает, как его ругают ученики. Здесь в сознании Служкина оформляется ключевая идея его педагогики: «*Конечно, никакой я для отцов не пример. Не педагог, тем более – не учитель. Но ведь я и не монстр, чтобы мною пугать. Я им не друг, не при-*

*ятель, не старший товарищ и не клевый чувак. Я не начальник, я и не подчиненный. Я им не свой, но и не чужой. Я не затычка в каждой бочке, но и не посторонний. Я не собутыльник, но и не полицейский. Я им не опора, но и не ловушка и не камень на обочине. Я им не нужен позарез, но и обойтись без меня они не смогут. Я не проводник, но и не клоун. Я – вопрос, на который каждый из них должен ответить*». Может быть, идеология современной педагогики так и должна формулироваться, что учитель – это, прежде всего, вопрос на который каждый ученик должен ответить?

Есть в педагогике Служкина и принцип воспитания: «*... можно просто поставить в такие условия, где и без пояснений будет ясно, как чего делать. Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться он будет по-настоящему...*».

Явный успех Служкинской методы обнаруживается в походе, если в самом начале мальчишки отказываются от выполнения необходимой работы по обеспечению общего быта, то уже на следующем привале, испытав голод и дискомфорт, без всякого принуждения быстро и дружно обустривают костер, ставят палатки и т.д.

Еще одна победа географа видна в ситуации, которую можно назвать образовательным событием, обстоятельствами, когда Виктор Сергеевич нашел, обрел в своих учениках «Человеков» с большой буквы: «*... слушают непривычно внимательно. На уроках в школе я такого не видал. По их глазам я понимаю, что они ощущают. Они, конечно, как и я, у Чертового Пальца тоже почувствовали незримый и неизъяснимый взгляд. И вот теперь у них под ногами, словно земля заговорила. До самых недр, до погребенных костей звероящеров, она вдруг оказалась насыщенной смыслом, кровью, историей. Эта одухотворенность дышит из нее к небу и пронизает тела, как радиация земли Чернобыля. Тайга и скалы вдруг перестали быть дикой, безымянной глухоманью, в которой тонут убогие деревушки и эзковские лагеря. Тайга и скалы вдруг стали чем-то важным в жизни, важнее и нужнее многого, если не всего*».

Но осознавая, что ученики, в сущности, оказываются не готовы к самостоятельности и ответственности, ждут от него руководящих указаний, Служкин сетует: «*И жаль, что для отцов, для Маши я остаюсь все-таки учителем из школы. Значит, по их мнению, я должен влезть на ящик и, указывая пальцем, объяснять. Нет. Не дождется. Все указатели судьбы годятся только на то, чтобы сбить с дороги*». В этот момент возникает подозрение, что вся эта легкомысленность в походе, кажущаяся отстраненность от руководства не что иное, как сознательная педагогическая акция по стимулированию самостоятельности и ответственности. Может быть, поэтому Служкин вел себя по-другому во время их лыжной вылазки на Новый год, может быть, поэтому он стал героем школы после возвращения из похода.

Его личное рефлексивное резюме выглядит так: «*... может, именно любви я и хотел научить ... – хотя я ничему не хотел учить. Любви к земле... Любви к людям... Любви к человеку... Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы отцы стали сильнее и добрее, не унижаясь и не унижая*».